

ИЛЛЮЗИЯ ТИШИНЫ

ВЛАДИМИР НАРОЖНЫЙ

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ РОМАН

Владимир Нарожный

Иллюзия тишины

<https://litres.ru/74107541>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тишина, которая не исцеляет. Мир, где экраны смотрят чаще, чем люди. Где «ок» заменяет «я слышу тебя», а лайк — присутствие. Где ты знаешь свой процент эффективности, но не знаешь, чего хочешь.

В этом мире вещи стали информацией — голосами без тел, данными без смысла, контентом без корней. Ты оставляешь цифровые следы везде, но они не помнят твоего тепла. Они фиксируют движения, а не усталость.

Герои этого романа — как мы. Живут в правильных квартирах, ходят на правильные работы, говорят правильные слова. Но внутри — пустота, которую они боятся назвать. Они несут чужие роли, живем по чужим сценариям, программами системы. Люди не знают, кто они без системы.

Это роман о том, как мы стали функциями. О тишине, в которой можно услышать себя. И о том, можно ли вернуться к себе, не уходя из мира.

«Иллюзия тишины» — для тех, кто уже заметил стену. И для тех, кто только начинает её видеть.

Содержание

Глава 1. Зачин	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Владимир Нарожный

Иллюзия тишины

Глава 1. Зачин

Сон

Тишина молчала. Но молчание её было не пустотой — ожиданием.

Она стояла в торговом центре. Не помнила, как зашла. Не помнила, зачем. Свет лился сверху — белый, мёртвый, без тепла. Эскалаторы шумели, как водопады, но воды не было. Было движение. Толпы людей текли мимо, не касаясь, не глядя. Каждый нёс пакеты. Бренды. Логотипы.

Наташа стояла посреди этого течения. Ей казалось, что она — камень, о который разбивается вода. Но вода не замечала камня.

Она посмотрела на свои руки. В них тоже был пакет. Тяжёлый. Она не помнила, что купила.

Наташа заглянула внутрь. Там была вещь. Красивая. Ненужная. Дорогая. Она не помнила, зачем её взяла. Но помнила чувство — когда доставала карту, когда прикладывала к терминалу, когда слышала звук оплаты. Лёгкое, щеко-чущее, дофаминовое. Счастье. Которое длилось секунду. А потом — пустота.

Она подошла к витрине. За стеклом — идеальная жизнь. Улыбчивые люди в идеальной одежде пили идеальный кофе. Наташа смотрела на них и не понимала — они живые? Или картинки?

Она протянула руку. Пальцы коснулись холодного стекла.

И в тот же миг все экраны в торговом центре засветились. Тысячи экранов. Над головой, на стенах, на полу. Везде.

И на всех — одно лицо.

Оно не было страшным. Оно было идеальным. Отретушированная кожа, ни поры, ни морщины, ни следа жизни. Глаза — слишком широко раскрытые, с неестественным блеском. Улыбка — ровная, белоснежная, пустая. Улыбка манекена. Улыбка биоробота, который не знает, зачем улыбаться, но запрограммирован.

Лицо смотрело на Наташу. Не мигало.

И открыло рот.

Наташа ждала слов. Объявлений. Объяснений. Но вместо слов — шум. Не громкий. Тихий. Шелестящий. Похожий на помехи на старой частоте. Похожий на голос диктора, который что-то продаёт, но слова не разобрать. Похожий на то, как разговаривают люди в мессенджерах, когда они уже забыли, зачем пишут, и просто отправляют короткие, пустые фразы.

Шум заполнил пространство. Он не давил — он высасывал. Воздух, тепло, мысли. Наташа чувствовала, как пустота внутри неё растёт. Как её собственный голос тонет в этом

ровном, безликом шелесте.

— Выключите, — прошептала она.

Экраны не выключались.

— Выключите!!!

Голос её потонул в шуме. Люди шли мимо. Несли пакеты. Не слышали.

Наташа закрыла уши руками. Шум не исчез. Он стал громче. Он стал её дыханием. Он стал её мыслью.

Она хотела закричать. Но шум уже был внутри.

Она проснулась.

В комнате было тихо. Никаких экранов. Никакого шума. Только дыхание Ильи рядом. Только свет от уличного фонаря на иконе. Наташа лежала, смотрела в потолок. Белый, с едва заметной трещиной. Сердце колотилось. Она ждала, что шум вернётся. Не вернулся.

Тишина была.

Но не та, которую она искала. Не та, которую обещали книги по саморазвитию «найди тишину внутри себя». Не та, о которой говорили на ретритах «тишина исцеляет».

Эта тишина была пустой.

Не враждебной. Не давящей. Просто — пустой. Как витрина без товара. Как экран без изображения. Как разговор, в котором никто не слышит собеседника.

Наташа повернула голову. Посмотрела на икону. Свет от уличного фонаря падал на лик, но не оживлял его. Он просто — освещал.

Она села. Обхватила колени руками.

— Я здесь, — сказала она тихо.

Никто не ответил. И это было страшнее, чем если бы кто-то сказал «нет».

Она посмотрела на свои руки. Пустые. Не потому, что выпустила пакет. А потому, что не знала, чем их наполнить.

Тишина молчала. И в этом молчании не было ничего. Кроме неё самой.

Утро

Илья проснулся от того, что Наташа не спала. Она сидела на кровати, обхватив колени, и смотрела в стену. Туда, где висела икона.

Он не спросил «что случилось?». Не спросил «ты не спишь?». Он просто сел рядом.

Он ждал. Не навязывался. Знал — если захочет, скажет.

— Мне приснилось, что я — витрина, или даже манекен на витрине — сказала Наташа тихо.

— Это как?

— Ну стою за стеклом. В идеальной одежде. С идеальной улыбкой. И люди смотрят. Не на меня — на картинку. И я смотрю на них. И не знаю — они живые? Или я уже нет?

Илья не ответил сразу. Он смотрел в окно, но видел другое — то, что изучал когда-то.

— Знаешь, как называется то, что ты описала? — спросил он.

— Что?

— Объективация. Превращение человека в вещь. В функцию. В картинку, которую можно пролистать дальше. Это не твой сон. Это устройство мира.

Наташа посмотрела на него.

— Ты так спокойно об этом говоришь.

— Потому что я социолог. Я изучал это. Писал диссертацию о социальных лифтах, о классовых неравенствах, о том, как человек становится винтиком. А потом понял, что сам сижу в этом конвейере.

— И что ты сделал?

— Ушёл, скорее уйду. Постепенно и поступательно. Я долго терпел. Думал, что если знаешь, как система работает, сможешь её обмануть. Не сможешь. Система сильнее. Она перемалывает даже тех, кто видит шестерёнки.

Она молчала. Он продолжал.

— Понимаешь, в чём подвох? Нас с детства учат: будь отличником, поступай в хороший вуз, найди хорошую работу. Садик, школа, университет, работа, пенсия, гроб. И все идут. Никто не спрашивает «зачем?». А если спросишь — ты странный. Ты выпадаешь.

— А ты выпал?

— Выпал. Когда понял, что моя работа — не моя. Мои мысли — не мои. Моя жизнь — не моя. Я как все. Я — функция.

Он замолчал. Наташа не торопила.

— Ты поэтому ушёл из науки? — спросила она.

— Я не ушёл из науки. Наука ушла от меня. — Он усмехнулся. — Когда я защищал диссертацию, я верил, что знание меняет мир. А потом попал в госструктуру. И понял, что знание никому не нужно. Нужна эффективность. Зачастую мнимая. Нужны цифры. Нужны отчёты. А человек — это лишнее.

— И что теперь?

— Теперь я не работаю социологом. Я просто живу. Смотрю, как мир сходит с ума. И иногда объясняю тем, кто хочет понять.

— Объясни мне, — сказала Наташа.

— Что именно?

— Почему мне снятся эти сны. Почему я чувствую себя пустой. Почему вокруг всё как будто ненастоящее.

Илья посмотрел на неё. Долго.

— Потому что ты начала замечать, — сказал он. — А заметить — это первый шаг. Больше ничего не надо. Просто — заметить. Что ты не винтик. Что ты можешь выпасть. Что ты уже выпадаешь.

— И что дальше?

— Не знаю. Но ты не одна.

Она не ответила. Смотрела на свои руки. Пустые. Не потому, что выпустила пакет. А потому, что не знала, чем их наполнить.

Илья не стал её утешать. Он знал: когда человек начина-

ет замечать, утешения не помогают. Помогает только то, что рядом есть кто-то, кто тоже заметил.

— Там были экраны, — продолжала Наташа. — Тысячи экранов. И на всех — одно лицо. Не страшное. Идеальное. Как у куклы. Оно открывало рот, а оттуда — шум. Не слова. Просто шум. И я кричала «выключите!», а никто не слышал.

Она замолчала. Илья ждал.

— А потом я проснулась. Тишина. Но она была пустая. Понимаешь? Не та, которую обещают в книжках. Не «тишина исцеляет». А просто — ничего. И я одна в этой пустоте.

— Так бывает, — сказал он. — Когда привыкаешь к шуму, тишина пугает. Не потому, что в ней что-то есть. А потому, что в ней — ты. Весь. Без прикрас.

Наташа посмотрела на него. В первый раз за утро.

— А чего боишься ты?

Илья помолчал. Дольше, чем она ждала.

— Что однажды проснусь и пойму: я уже стал тем, кем не хотел быть. Что моя работа — не моя. Мои мысли — не мои. Моя жизнь — не моя.

— И что тогда?

— Не знаю. Наверное, начну сначала. Как тогда, когда мыл окна.

Наташа усмехнулась. Невесело.

— Ты моешь окна. Я смотрю сны. Хорошая пара.

— Знаешь, что самое главное в мытье окон?

— Что?

— Не смотреть на грязь. Смотреть на свет, который за ней. Если думать о грязи — руки устанут, вода закончится, толку не будет. А если о свете — то трёшь, трёшь, и вдруг он пробивается. Сначала полоска. Потом больше. А потом всё окно чистое, и ты забываешь, что когда-то было иначе.

Наташа посмотрела на него.

— А если света нет?

— Значит, не там ищешь.

Офис Конвейер не останавливается. Останавливаются люди.

Открыв утром глаза, Наташа уже знала: сегодня будет тот же конвейер. Она не ненавидела свою работу. Она перестала её чувствовать.

Офис встречал её белым светом — ровным, без теней, без жизни. Ряды столов, мониторы, люди в наушниках. Никто не смотрел друг на друга. Все смотрели в экраны. Наташа села на своё место. Включила компьютер. Система приветствовала её стандартным окном: «Доброе утро, Наталья! Ваша эффективность за вчерашний день — 94%».

Четыре процента она потеряла на обеде. Кто-то позвонил, пришлось отвлечься. Система не прощает.

Рядом, через перегородку, сидела Лена. Когда-то они здоровались. Теперь Лена отправляла смайлики в рабочем чате. Рядом с ней, в соседнем кресле, — молодой парень, Никита. Он всегда улыбался. Но улыбка была такой же, как на экра-

нах в торговом центре. Пустая. Запрограммированная.

Наташа открыла заявки. Пятьдесят три. Каждая — чья-то потребность. Кто-то хотел товар. Кто-то — возврат. Кто-то — жаловался, что товар не пришёл. Она обрабатывала их механически: проверить, подтвердить, отгрузить, отписать. Слова были одни и те же. Фразы — короткие, без эмоций.

В мессенджере пришло сообщение от Лены: «Документы по 453-му готовы?»

Наташа напечатала: «Да».

Лена: «Ок».

Два человека. Два слова. Ни «здравствуйте», ни «спасибо», ни вопроса «как дела?». Просто — функция. Запрос. Ответ.

Наташа смотрела на экран и думала: когда мы разучились говорить? Когда «ок» заменило «я тебя слышу»?

В обед она вышла в коридор. Там стояли вендинговые автоматы. Кофе в пластиковых стаканчиках. Бутерброды в плёнке. Люди подходили, прикладывали карты, забирали еду, уходили. Никто не смотрел друг на друга. Никто не говорил.

Наташа взяла кофе. Горький. Остывший. Сделала глоток. Посмотрела на свои руки. Они не дрожали. Они просто — работали.

Во второй половине дня в рабочем чате появился файл. «Приказ 347/21», — прочитала Наташа. Палец завис над мышкой. Она не хотела открывать. Но открыла.

Текст был казённым, сухим, как всегда. «В целях оптимизации», «в связи с внедрением», «для повышения эффективности» Она пробежала глазами первые абзацы. Ничего нового. Потом остановилась.

«Сотрудники, чья эффективность по итогам месяца будет ниже установленного порога, переводятся в резерв. В период нахождения в резерве распределение заявок производится по остаточному принципу».

Она перечитала. Не поняла. Перечитала ещё раз.

«Резерв» — это не увольнение. Это что-то другое. Она представила: утро, она приходит в офис, садится на своё место, включает компьютер. А там — пусто. Ни одной заявки. Система помнит её логин, знает её имя, но не даёт работы.

Она сидит. Смотрит в монитор. Коллеги щёлкают мышками, отправляют отчёты, переписываются в чатах. А у неё — ничего.

Ей стало холодно. Не от температуры — от пустоты, которая вдруг показалась такой близкой.

«Остаточный принцип» — красивые слова, за которыми стоит простое: когда разберут все заявки, когда самые быстрые и безжалостные получат своё, может быть, что-то останется и ей. Может быть.

Она вспомнила, как в школе выбирали в команду последней. Стоишь, смотришь, как другие уходят к тем, кто быстрее, сильнее, нужнее. А ты ждёшь. И когда все уже выбраны, кто-то говорит: «Ну, ты тоже иди». Без радости. Без надеж-

ды. Просто — иди.

Наташа почувствовала ком в горле. Не от обиды. От страха. Не потерять работу — потерять место. Не деньги — смысл.

Она посмотрела на свои руки. Они лежали на клавиатуре. Не дрожали. Не двигались. Просто — были.

«Всё будет хорошо», — сказала она себе. И не поверила.

Перевела взгляд на Лену. Лена читала то же самое. Их взгляды встретились. В первый раз за месяц. Лена открыла рот. Хотела что-то сказать. Потом закрыла. Напечатала в чате: «Ты видела?»

Наташа: «Да».

Лена: «Страшно».

Наташа не ответила. Она думала: «Страшно» — это когда ты ещё живая. А если привыкнешь — станет пусто. И тогда ты уже биоробот.

Она закрыла приказ. Открыла список заявок. Их было пятьдесят три. Она посмотрела на них — и представила, как завтра их не будет. Или будут, но не её.

Она начала работать. Клик, проверка, отправка, «ок». Клик, проверка, отправка, «ок». Руки делали своё дело. А внутри — росла тишина.

Та самая, о которой предупреждал Илья. Не целебная. Пустая.

Вечером, по дороге домой, она смотрела в окно автобуса. Люди сидели с телефонами. Каждый в своём экране. Каждый

в своей пустоте.

Она вспомнила сон. Вспомнила лицо на экранах. Идеальное. Пустое. Улыбку манекена. Шум, который стал её дыханием.

— Я не хочу так, — прошептала она.

Автобус не ответил.

Вечер

Она вошла в квартиру, и тишина ударила в лицо.

Не та, пустая, которой боялась. А другая — тягучая, как смола. Наташа скинула туфли прямо в прихожей. Не поставила на полку, как учила мама. Просто скинула. Пусть валяются.

Илья был дома. Она услышала его шаги на кухне — лёгкие, размеренные. Он не спешил к ней. Не спрашивал «как день?». Он знал: если захочет — скажет.

Наташа прошла в комнату. Села на диван. Не разделась. Не включила свет. Смотрела в окно. Там, за стеклом, горели окна соседнего дома. Жёлтые, тёплые, живые. В одном кто-то двигался. В другом — застыл силуэт.

«У них тоже есть приказы? — подумала она. — Они тоже боятся?»

Илья вошёл с двумя чашками. Поставил одну перед ней. Себе взял другую. Сесть не сел — присел на подлокотник дивана. Рядом, но не вплотную. Дал пространство.

Наташа взяла чашку. Кофе был горячим. Она обожгла

пальцы, но не отпустила. Боль отрезвляла.

— Ты сегодня не звонила, — сказал Илья.

— Не хотелось.

— Понятно.

Он не спросил «что случилось?». Не спросил «почему?». Он просто ждал. И его молчание было тяжелее любого вопроса. Потому что в нём она слышала себя.

— Там новый приказ, — сказала Наташа. Не поднимая глаз.

— Какой?

— Оптимизация. Кого-то переведут в резерв. Если эффективность упадёт.

Она ждала, что он спросит «а у тебя?». Не спросил.

— Я не знаю, сколько у меня процентов, — сказала она. — Система знает. А я нет. Я просто прихожу, сажусь, работаю. Клик, отправка, «ок». А вечером не помню, что делала.

Она подняла глаза. Посмотрела на него.

— Ты знаешь это чувство? Когда работаешь, а потом не можешь вспомнить — ты работал или тебя работали?

Илья кивнул. Помолчал.

— Раньше я тоже не помнил. Просто приходил, садился, делал отчёты. А потом шёл домой и думал: «Зачем?» Ответа не было. Тогда я начал мыть окна.

— Ты всё про окна, — усмехнулась Наташа. Без злости. С усталостью.

— Про окна, — согласился Илья. — Потому что это един-

ственное, что я умею делать по-настоящему. Не кликать. А делать.

Наташа отвернулась к окну. Там, за стеклом, в соседнем доме кто-то зажёл свет на кухне. Жёлтый, тёплый. Она смотрела на него и думала: «Интересно, они тоже боятся завтрашнего дня?» Потом взяла кофе. Сделала глоток. Горький. Живой.

В комнате было темно. Наташа не включила свет, когда вошла. Илья зажёл только настольную лампу — жёлтый круг упал на стол, на две чашки, на её руки, сцепленные в замок. Остальное — тонуло в сумерках.

Желтые квадраты

За окном горели окна соседнего дома. В одном кто-то двигался — тень, занавеска, быстрый силуэт. В другом застыл жёлтый квадрат без движения. Наташа смотрела туда и не видела. Она смотрела внутрь.

— Расскажи мне, как такое случилось с нами — сказала она.

Илья не ответил сразу. Он взял свою чашку, сделал глоток, поморщился — кофе остыл. Поставил обратно. Пальцы его барабанили по керамике. Раз-два-три. Потом остановились.

— Ты правда хочешь это слушать? — спросил он.

— Не знаю. — Она повернулась к нему. Лампа осветила её лицо — усталое, с тенями под глазами. — Но если не сейчас,

то когда?

— Ладно. — Он откинулся на спинку стула. Посмотрел в потолок. Трещина. Та самая, которую она показывала ему в первую ночь. «Смотри, — сказала тогда, — я боюсь, что однажды проснусь и она станет шире. И я провалюсь». Теперь трещина не пугала. Просто была.

— Только не жалуйся потом, что я тебя утомил, — сказал Илья.

— Я устала не от тебя. — Она взяла чашку, но пить не стала. Просто держала, чувствуя тепло — чашка была тёплой только снаружи, внутри кофе уже остыл. — Я устала от того, что не понимаю, где я, а где не я.

Илья молчал. Смотрел на её руки. Пальцы сжимали керамику. Белые костяшки.

— Ты знаешь, что после войны заводы переключились с танков на холодильники? — начал он. Голос был ровным, без лекторского напора. Просто — факт.

— Нет, — сказала Наташа. Она поставила чашку на стол. Крутанула её. Керамика тихо звякнула о дерево.

— И никто не знает. Это не в школе проходят. — Илья подвинулся ближе. Лампа осветила его руки — спокойные, лежащие на столе. — В общем, наделали холодильников, а спроса нет. Люди купили один — и на двадцать лет. Экономика встала.

— И что сделали? — Наташа подняла глаза.

— Придумали устаревание. Чтобы вещи ломались. Чтобы

их нужно было менять.

Она усмехнулась. Невесело.

— Это теория заговора.

— Это документы, — сказал Илья. — Открытые. Просто скучные. Их никто не читает.

Она хотела возразить. Открыла рот. Закрыла.

— Дальше, — сказала она.

Илья вздохнул. Посмотрел в окно. Там, за стеклом, в соседнем доме кто-то зажёл свет на кухне. Жёлтый квадрат стал ярче.

— Дальше реклама. Не чтобы рассказать о товаре, а чтобы создать потребность. Чтобы человек чувствовал: без этой вещи он — неполноценен. Одинок. Несчастен.

— И люди поверили? — Наташа встала. Прошла к окну. Встала спиной к нему.

— А у них был выбор? — Илья смотрел на её спину. Плечи напряжены. — Реклама везде. На экранах, на столбах, в телефонах. Ты не можешь не видеть. Не можешь не слышать. Постепенно ты начинаешь думать, что это твои желания.

— А это не мои? — Она повернулась. Лампа освещала её лицо только с одной стороны. Другая — в тени.

— А ты проверь, — сказал Илья. — Отключи всё на день. Телефон, телевизор, ноутбук. Посиди в тишине. И спроси себя: чего ты хочешь на самом деле?

Наташа представила. Пустую комнату. Тишину. Себя. Она почувствовала, как внутри поднимается что-то липкое, тя-

жёлое. Не то страх, не то отчаяние.

— Не хочу, — сказала она. Быстро. Слишком быстро.

— Вот, — сказал Илья. — Поэтому и работаем как проклятые. Чтобы не оставаться с собой.

Она вернулась к столу. Села. Взяла чашку. Кофе совсем остыл. Она всё равно сделала глоток. Горько.

— А работа? — спросила она.

— Работа — это конвейер, — сказал Илья. — Ты — винтик. Твоя ценность — не ты, а твоя эффективность. Система оценивает, сравнивает, отбраковывает. Ты даже не замечаешь, что перестала быть человеком.

— Значит, я биоробот, — сказала Наташа. Не вопрос. Констатация.

— Нет, — сказал Илья. — Биоробот не спрашивает, биоробот он или нет. Ты спрашиваешь. Значит, ещё нет.

Наташа молчала. Смотрела на свои руки. Потом спросила:

— А ты когда понял?

— Давно, — сказал Илья. — Смотрю на эту лестницу. — Он кивнул в окно, но смотрел не на жёлтые квадраты, а куда-то внутрь. — Садик, школа, университет, работа, пенсия, гроб. И все идут. Никто не спрашивает «зачем?». Просто идут. Потому что так надо. Потому что мама сказала. Потому что все так делают.

— А если не идти?

— Тогда ты выпадаешь. И начинаешь видеть.

— А что видишь?

— Что лестница ведёт не вверх. Она ведёт по кругу. И что на каждой ступеньке — такие же, как ты. Кто боится. Кто надеется. Кто уже не помнит, зачем начал.

— А ты помнишь? — спросила Наташа.

— Нет, — сказал Илья. — Но я перестал бояться не знать.

Он помолчал. Добавил:

— И я мою окна.

Она усмехнулась.

— Ты и из этого сделаешь окна.

— А из чего ещё делать свет? — спросил он

Она не ответила. Но руку не убрала.

Лестница

Ей снилось, что она стоит на лестнице. Но лестница не вела ни вверх, ни вниз. Она висела в пустоте.

Ступени были из бетона — серые, холодные, бесконечные. Но некоторые исчезали, когда Наташа на них наступала. Она делала шаг — ступень проваливалась. Она падала. Но не вниз — вбок. В никуда.

Вокруг не было стен. Не было перил. Только лестница. Только она. И шарканье.

Шарканье было повсюду. Тысячи ног. Миллионы. Она не видела людей, но слышала их. Звук подошв по бетону — ровный, безжалостный, как метроном. Он становился громче, когда она пыталась остановиться.

— Я не хочу идти! — крикнула Наташа.

Шарканье не прекратилось.

Тогда она посмотрела вниз. Там, в глубине, мелькали лица. Не её — чужие. Но она узнавала их. Первая учительница, только старая, с клюкой. Мальчик, который сидел за одной партой — теперь лысый, с портфелем. Бабушка — молодая, в свадебном платье. Дед — в гробу.

Время сбилось. Наташа не понимала, кто жив, кто мёртв, кто идёт наверх, кто вниз. Все шли. Все.

Она попробовала шагнуть в сторону. Там, где должна была быть ступень, — пустота. Холодная, липкая. Она замерла.

— Иди, — сказал голос. Не её. Тот же, что в торговом центре. Мягкий, вкрадчивый. — Иди, не останавливайся.

— Куда?

— Неважно. Главное — иди.

Наташа закрыла глаза. Шарканье стало громче. Оно заполнило её голову. Оно стало её мыслью.

Она открыла глаза.

Лестница исчезла. Она стояла на бетонной плите. Вокруг — пустота. А вдали — ступени. Они поднимались и опускались, как поршни гигантского двигателя. Конвейер.

И на каждой ступени — человек. С застывшей улыбкой. С пустыми глазами. Она узнала себя. Стоящую на одной из ступеней. С косичками. В школьной форме. С портфелем.

Девочка посмотрела на неё. Улыбнулась.

— Мы идём, — сказала девочка. — Все идут.

— Зачем? — крикнула Наташа.

Девочка не ответила. Ступень под ней провалилась. Она упала. Исчезла.

— Зачем?! — закричала Наташа.

Шарканье заглушило её голос.

Она проснулась.

В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.